

Одним из сильнейших разделов первой книги стихотворений Татьяны Парсановой «В унисон с дождём» (автор живёт в Подмоскowie) несомненно стал, казалось бы, далёкий по времени и совсем не женский афганский цикл.

Есть темы настолько тяжёлые для нашего сознания, что мы предпочли бы малодушно забыть о них. Они уходят из поля публичной жизни, но не должны уходить из общенациональной памяти, ибо забвение в данном случае — форма предательства. Ведь мир вновь стоит на грани войны. В Донбассе она вплотную примыкает к нашим границам, в Сирии уже гибнут российские солдаты...

Женщина — «и мать, и сестра, и жена» (добавим к строке Солоухина — и невеста) не может молчать. Строки Татьяны Парсановой опаляют в любой из этих ипостасей. Горе матери остановилось вместе с её жизнью, в тот самый «Страшный день, когда домой с Афгана, // Сын вернулся в цинковом гробу». На оставшиеся тридцать зим пришлось только одна улыбка, предназначенная смерти: «И дойдя уже до грани зыбкой, // Рассмотрев вдали зовущий свет - // Расцвела счастливою улыбкой, // Понимая — боли больше нет...»

Среди героев цикла — и юные мальчишки, брошенные в пекло чужой войны, и суровые командиры. У тех и других — только один выбор — не между жизнью и смертью, а между честью и бесчестьем. От каждой строки нельзя отвернуться...

Миясат Муслимова

* * *

Мы думали: два года — ерунда,
А у судьбы другие были планы.
И наши обещанья: «навсегда» —
Закрыли тенью «чёрные тюльпаны».

Зачем?! Домой вернулся, в цинк одет...
Меня на жизнь пустую сделав старше,

Познавши вечность в девятнадцать лет,
Любви земной и ласки не познавши.

Ружейный залп, взлетевший к небесам...
Хранящая молчание икона...
Кто подарил войну чужую нам,
И марш Шопена вместо Мендельсона?

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Здравствуй, Тánчa, моя.
(Только Он так меня называл.)
У меня все нормально. Служу.
Ты мной можешь гордиться.
Мы сегодня в ущелье...
(замазаны строчки) Дувал
Спас меня и ребят.
Вот такая она – граница...
Солнце здесь раскалённое,
словно открытый огонь.
Да и небо, представь,
ну... какого-то пыльного цвета.
Знаешь, хочется снега.
Хотя бы снежинку в ладонь.
Это вовсе не весело –
вечное, жаркое лето.
Мы здесь долг отдаём. Руку дружбы.
Как нам говорят...
Я порой сомневаюсь,
гуляя по самому краю.
Мы сегодня домой отправляли
«двухсотых» ребят.
Я, поверь, не боюсь.
Потому что ты ждёшь меня. Знаю...

* * *

Пожелтевший листочек...
На сгибах протёрся до дыр...
Только он всё-равно
всех сокровищ земных мне дороже.
Улетает мой всхлип
в равнодушно безмолвный эфир.
И ползёт тишина
безнадёгоу липкой по коже...
Задохнулась от боли.
Читаю в стотысячный раз,
Чтоб в стотысячный раз,
словно в первый, в слезах захлебнуться.
Я ждала.
Не ждала! Я ведь жду тебя...
Даже сейчас...
Ну вернись же!
Ведь ты обещал мне вернуться...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй Тánчa. Я жив и здоров.
Это значит немало.
Все уснули. А я не могу. Хоть немного устал.
Вот подумал – тебя бы сюда...
Здесь сгущёнки навалом...
Ты бы ела её... Я бы губы твои целовал...
Здесь по-прежнему жарко.
Душман, однозначно, взбесился.
В Чарикарской зелёнке
хлебнули сегодня проблем.
Много наших...
А я под счастливой звездой родился-
«Магазинов» хватило...
И друг не подвёл – АКМ*...
Завтра в горы...
Как мне надоели враждебные горы...
Мне бы в степь... Где ковыль...
Где рассветы пропахли травой...
До свиданья, родная.
Свиданье...
Оно уже скоро...
Не успеешь соскучиться.
Я уже рядом с тобой.

* * *

Ночь меня иссушила бессоницей злою.
До края...
И, сдаваясь тоске,
зная точно итог наперёд,
Я читаю всё это, и, душу свою разрывая,
Возвращаюсь в далёкий...
Счастливейший...
Страшный тот год...
Из искусанных губ
тонкой струйкою кровь... ярко -ало...
Запоздалый рассвет
в призме слез виновато дрожит.
Я успела соскучиться...
Я до безумья устала...
Как ты мог не вернуться?...
Ведь ты обещал мне дожить...

* АКМ – автомат.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

«...Здравствуй, Тánьча...»
Открыл сон страничку
далёкого прошлого
и трусливо сбежал.
Оставляя меня в тишине...
И опять... и опять я
пылинкой беспомощной брошена
в той огромной и страшной...
сжигающей душу войне...

«...Здравствуй, Тánьча. Я жив.»
Голос твой шелестит так приветливо.
И мурашки по коже...
То ль страха, то ль радости след...
«...Вот представь, что сейчас
ты меня неожиданно встретила.
Только мы. Только клён.
И любимый наш ранний рассвет...»

По листку потолка потянулись
слова вереницею...
Память бодро бежит
по зазубренным строчкам письма:
«...Здесь сейчас тишина.
Непривычно чуть-чуть. Вот не спится мне.
Знаешь, Тánьча, а я до сих пор
от тебя без ума.

Мне приснилась вчера наша свадьба.
И ты в белом платье.
Может всё же мы зря
отложили её на потом?
Время здесь по-другому.
Не как на гражданке. Не кáтится.
Здесь от боя до боя
мы счёт своим жизням ведём...»

* * *

Ветер взвыл за окном
как испуганный бешеный пудель...
Туча лапой мохнатою
звёзд погасила огни...
Этой свадьбы увы...
Никогда в нашей жизни не будет...
Никогда-никогда...
Только мы это знать не могли...

НЕЗАБЫТЫЙ БОЙ

«Духи» скрылись, как крысы,
в проломе дувала.
Неожиданно бой захлебнулся и стих.
И сказал лейтенант,
сплюнув горечь устало:
«Повезло. Потеряли не много... Троиx.»

Пальцы тронула дрожь
запоздалого страха.
Мысль метнулась — рассвет...
Есть ещё полчаса...
Головою хотелось о камни... С размаха.
И, забыв обо всём — матом крыть небеса,
Все крушить, человечье теряя обличье,
Оттянуть, зачеркнуть судьбоносный изгиб,
Там где рухнуло небо, и друг закадычный,
Своей грудью тебя закрывая, погиб.

Мысли, полные яда...
Мозг — скручивал в узел,
Разбивал и развеивал веры гранит.
И впервые боец так отчаянно трусил,
Лишь представив на миг,
что ему предстоит
Возвратившись,
войти в этот дом сиротливый,
И пытаться живого себя оправдать.
И не горбась стоять.

Взгляд не прятать стыдливо —
Когда взвоят рассказом убитая мать.
И в девичьи глаза с золотой поволокой
Бить бедой. И проклятий выдюживать град,
И сказать, что отныне ей быть одинокой,
Что любимый вернул ей все клятвы назад...

Лето, вновь расшалившись, сжигает зарницы.
Звуки грома всё ближе. Надорван покой...
И седому полковнику снова не спится.
Крутит, крутит и крутит он в мыслях тот бой.

КРИЧУ ВОПРОСОМ В НЕБО

Кричу вопросом в небо.
Поневоле...
Зачем опять, ночами напролёт
Афган шепоткой щедрой сыплет соли,
На рану, что никак не заживёт.

Помолчу о своём...

Заглядевшись на трепет свечей...

Это было вчера...

Или тысячу лет пролетело...

Строгий строй караула...

И крик, заглушающий марш...

И чужая война наши судьбы

рукой огрубелой

Разломала, как мякиш,

исполнив верховную блажь.

Мысли бьют по вискам, словно комья

земли в крышку гроба,

Сколько раз с той поры

расцветала сиренью земля...

И бежит по спине ненавистой

волною озноба –

Что по возрасту мне

ты годишься давно в сыновья.

Рассосало уже время

острую боль невозврата.

Я умею не плакать,

услышав случайно «Афган».

И забыв обо всём, я смотрю,

как сквозь мягкость заката,

Улыбается мне мой любимый,

«двухсотый» пацан.

* * *

Здесь воздух – и тот другой.

Здесь ветер – и тот притих.

Здесь память меня рукой

Железною бьёт под дых.

Здесь юность моя стоит,

Глядит в огонёк свечей,

Одета навек в гранит

«За долг», не понятно чей.

Здесь мы на одной волне –

Солдат и его вдова.

Он снова на той войне.

Я снова ещё жива.

Ещё мы наивны столь,

Не верим, что станем впредь –

Я старше его на боль.

Он старше меня на смерть.

МУЖЧИНЫ

Изогнулось небо коромыслом,

Льются в сердце запахи весны.

Собрались сегодня: Чёрный, Кислый...

Пацаны... Ну, право, пацаны...

Отчества остались за порогом –

Вовка. Сашка. Молоды ещё...

Только очень прямо, очень строго

За столом сидят к плечу плечо.

Первый тост, как водится, за встречу

Там – на заграничном вираже.

Жаль, что время всё-таки не лечит

Шрамы на израненной душе.

Только им понятные рассказы –

Чарикар... Баграм... Панджшерский пат...

И запнутся, не закончив фразы,

Спрятав боль в витиеватый мат.

Горькую плеснут в стаканы снова

И за тех, кто не пришёл с войны,

Третью пьют в молчании суровом

Взрослые, седые пацаны...

И пошло – машины и дорога,

Сыновья, друзья, работа, дом...

Рассказать мужчинам нужно много

Чтоб хотя б на миг забыть о том...

Накрывает вечер осмелевший

Темнотою законный вид.

О войне, когда-то отгремевшей,

Только сталь во взглядах говорит...

